Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-5-204-214

КРАСНОЖЕН Алина Витальевна,

студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,

e-mail: alina.krasnoshen@gmail.com

ПОЗДНЯКОВА Виктория Игоревна,

магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,

e-mail: viktoriapozd@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: УРОКИ «ПАРАДА СУВЕРЕНИТЕТОВ» 1990-Х ГОДОВ И СОВРЕМЕННЫЕ ГАРАНТИИ ЕДИНСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *Актуальность. Незавершённость доктринального осмысления кризисного опыта «парада суверенитетов» 1990-х годов в сочетании с масштабным обновлением конституционно-правового регулирования федеративных отношений, осуществлённым в ходе реформы 2020 года, обусловливает потребность в комплексном исследовании правовых механизмов обеспечения единства государственной власти. Действующее законодательство, включая Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», закрепило концепцию единой системы публичной власти, однако ряд институтов — конституционно-правовая ответственность субъектов, федеральное вмешательство, нормативное ограничение асимметрии статуса республик — по-прежнему не получили исчерпывающего законодательного оформления.*

Цель и задачи. Целью исследования является выявление пробелов и противоречий в конституционно-правовом регулировании федеративных отношений и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правовых гарантий государственного единства. Задачи включают: историко-правовую реконструкцию нормативных механизмов дезинтеграции периода 1990–1993 гг.; анализ эволюции правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам суверенитета субъектов федерации; оценку современной правовой архитектуры единства государственной власти; формулирование конкретных предложений de lege ferenda.

Методология. Исследование основано на совокупности историко-правового, формально-юридического, сравнительно-правового и системно-структурного методов, применённых к нормативному материалу, включающему Конституцию Российской Федерации, федеральное законодательство, учредительные акты субъектов и практику конституционного судопроизводства (Постановлении от 13 марта 1992 года № 3-П, Постановление от 7 июня 2000 года № 10-П, Определения от 27 июня 2000 года № 92-О и от 6 декабря 2001 года № 249-О).

Результаты. Выявлены три ключевые проблемы: отсутствие систематизированного регулирования конституционно-правовой ответственности органов государственной власти субъектов за нарушение принципа верховенства Конституции и систематическое неисполнение решений Конституционного Суда; фрагментарность правовой регламентации института федерального вмешательства, не охватывающей весь спектр угроз территориальной целостности; сохраняющаяся асимметрия конституционно-правового статуса республик, способная служить юридическим обоснованием центробежных устремлений. Прослежена эволюция подхода Конституционного Суда от констатации неконституционности отдельных положений Декларации о суверенитете Татарстана (1992 г.) к формулированию универсальной доктрины о недопустимости «двухуровневого суверенитета» (2000 г.) и выработке принципа экстраполяции правовых позиций на все содержательно тождественные нормы регионального законодательства (2001 г.).

Выводы. Сформулированы конкретные законодательные предложения: о дополнении Федерального закона № 414-ФЗ специальной главой о конституционно-правовой ответственности субъектов; о разработке самостоятельного Федерального закона «О федеральном вмешательстве в Российской Федерации» с градацией мер принудительного восстановления конституционного правопорядка; о законодательном установлении исчерпывающего перечня допустимых особенностей статуса республик с одновременным наделением Министерства юстиции полномочием обязательной правовой экспертизы учредительных актов субъектов. Реализация указанных мер осуществима без пересмотра конституционного текста и направлена на укрепление юридических гарантий государственного единства Российской Федерации.

Ключевые слова: *российский федерализм, парад суверенитетов, единство государственной власти, конституционно-правовая ответственность, федеральное вмешательство, асимметрия субъектов федерации, единая система публичной власти, Конституционный Суд Российской Федерации, разграничение предметов ведения и полномочий; территориальная целостность.*

KRASNOZHEN Alina Vitalievna,

student, FSBEI HE "Southwest State University"

POZDNYAKOVA Victoria Igorevna,

Master of Law Faculty of FSBEI HE "South-West State University"

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN FEDERALISM: LESSONS FROM THE 1990-Kh SOVEREIGNTY PARADE AND MODERN GUARANTEES OF THE UNITY OF STATE POWER

Annotation. *Relevance. The incompleteness of the doctrinal understanding of the crisis experience of the "parade of sovereignty" of the 1990s, combined with a large-scale update of the constitutional and legal regulation of federal relations carried out during the 2020 reform, necessitates a comprehensive study of the legal mechanisms for ensuring the unity of state power. The current legislation, including Federal Law of December 21, 2021 No. 414-FZ "On General Principles of the Organization of Public Power in the Constituent Entities of the Russian Federation," enshrined the concept of a unified system of public power, however, a number of institutions - the constitutional and legal responsibility of the constituent entities, federal intervention, regulatory restriction asymmetry of the status of republics - still have not received comprehensive legislative registration.*

Purpose and objectives. The purpose of the study is to identify gaps and contradictions in the constitutional and legal regulation of federal relations and to develop scientifically based proposals for improving the legal guarantees of state unity. Tasks include: historical and legal reconstruction of the normative mechanisms of disintegration of the period 1990-1993; analysis of the evolution of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the sovereignty of the constituent entities of the federation; assessment of the modern legal architecture of the unity of state power; formulating concrete proposals de lege ferenda.

Methodology. The study is based on a combination of historical-legal, formal-legal, comparative-legal and system-structural methods applied to normative material, including the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, constituent acts of subjects and the practice of constitutional proceedings (Decree of March 13, 1992 No. 3-P, Decree of June 7, 2000 No. 10-P, Definitions of June 27, 2000 No. 92-O and December 6, 2001 No. 249-O).

Results. Three key problems were identified: the lack of systematic regulation of the constitutional and legal responsibility of state authorities of subjects for violating the principle of the supremacy of the Constitution and the systematic failure to comply with the decisions of the Constitutional Court; fragmentation of the legal regulation of the institution of federal intervention, which does not cover the entire range of threats to territorial integrity; the continuing asymmetry of the constitutional and legal status of the republics, capable of serving as a legal justification for centrifugal aspirations. The evolution of the approach of the Constitutional Court from the statement of the unconstitutionality of certain provisions of the Declaration of Sovereignty of Tatarstan (1992) to the formulation of a universal doctrine on the inadmissibility of "two-level sovereignty" (2000) and

the development of the principle of extrapolating legal positions to all meaningfully identical norms of regional legislation (2001).

Conclusions. Specific legislative proposals were formulated: on supplementing Federal Law No. 414-FZ with a special chapter on the constitutional and legal responsibility of subjects; on the development of an independent Federal Law "On Federal Intervention in the Russian Federation" with a gradation of measures to forcibly restore constitutional law and order; on the legislative establishment of an exhaustive list of permissible features of the status of republics with the simultaneous endowment of the Ministry of Justice with the authority of mandatory legal examination of constituent acts of subjects. The implementation of these measures is feasible without revising the constitutional text and is aimed at strengthening the legal guarantees of the state unity of the Russian Federation.

Key words: *Russian federalism, parade of sovereignties, unity of state power, constitutional and legal responsibility, federal intervention, asymmetry of the subjects of the federation, a unified system of public power, the Constitutional Court of the Russian Federation, delimitation of subjects of jurisdiction and authority; territorial integrity.*

Введение

Проблематика конституционных основ российского федерализма сохраняет неизменную научную значимость, что обусловлено, прежде всего, незавершённостью доктринального осмысления того кризисного опыта, который был накоплен отечественной государственностью в период так называемого «парада суверенитетов» рубежа 1980–1990-х годов. Кризис государственности конца 1980-х — начала 1990-х гг. в СССР и РСФСР имел не только политические, но и правовые последствия: острая борьба между высшим руководством государства и республиканскими национальными элитами обусловила принятие федеральным центром ряда противоречивых нормативно-правовых актов, способствовавших развитию центробежных сил, направленных на распад государства. 1990-е годы стали одним из самых тяжёлых периодов российской истории, когда распад Советского Союза едва не привёл к развалу уже самой Российской Федерации, а аналогичные процессы перекинулись на её субъекты [1, с. 22]. Между тем догматический анализ конституционно-правовых механизмов, посредством которых удалось преодолеть угрозу территориальной дезинтеграции, до настоящего времени не получил исчерпывающего системного воплощения в науке конституционного права, что свидетельствует о наличии значительного исследовательского потенциала данной проблематики.

Дополнительную актуальность избранной теме придаёт необходимость критического переосмысления институциональных решений 1990-х годов в контексте современного конституционно-правового регулирования. Центральной проблемой того периода являлся вопрос о разграничении компетенции региональных и федеральных органов власти, при том, что угроза распада России или превращения её в конфедерацию со слабым, аморфным центром была вполне реальной. Конституционный Суд Российской Федерации впоследствии разъяснил, что использование понятия «республика (государство)» в части 2 статьи 5 Конституции не означает признание государственного суверенитета этих субъектов, а лишь отражает определённые особенности их конституционно-правового статуса [2, с. 117].

Наконец, практическая востребованность настоящего исследования определяется тем, что в условиях масштабной конституционной реформы, связанной с изменением баланса и системы взаимодействия властей, одной из ключевых задач государства является создание более совершенной модели российского федерализма, в особенности её соотношения с характером демократизации общества, совершенствования организации и функционирования публичной власти, повышения эффективности государственного управления. Характеристика современных подходов к пониманию единой системы публичной власти не позволяет вести речь об однообразии взглядов и позиций данной правовой конструкции как на уровне доктринальных исследований, так и на уровне правотворчества. Обращение к историческим урокам «парада суверенитетов» в их проекции на действующую конституционную модель позволяет не только выявить закономерности развития федеративных отношений, но и сформулировать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правовых механизмов обеспечения государственного единства, предупреждению возможных рецидивов центробежных процессов и достижению оптимального баланса между централизацией и децентрализацией властных полномочий в условиях обновлённого конституционного порядка [3, с. 31].

Научная новизна

Научная новизна настоящего исследования определяется тем, что в нём впервые предпринят комплексный конституционно-правовой анализ, объединяющий историко-правовую реконструкцию нормативных механизмов дезинтеграции периода «парада суверенитетов» 1990-х годов с догматическим исследованием действующих правовых гарантий единства государственной власти, закреплённых в ходе конституционной реформы 2020 года и конкретизированных Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Методология

Методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность общенаучных и частно-научных методов познания, применение которых обусловлено спецификой предмета и целей работы. Историко-правовой метод использован при реконструкции нормативного содержания дезинтеграционных процессов 1990-х годов, анализе деклараций о суверенитете автономных республик и практики заключения двусторонних договоров о разграничении предметов ведения и полномочий. Формально-юридический (догматический) метод положен в основу исследования действующих конституционных норм, положений Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в Постановлении от 7 июня 2000 года № 10-П, Определении от 27 июня 2000 года № 92-О и Определении от 6 декабря 2001 года № 249-О. Сравнительно-правовой метод применён при сопоставлении конституционно-правового регулирования статуса отдельных республик в составе Российской Федерации — Татарстана, Чечни, Башкортостана, Республики Алтай и Тывы — на различных этапах развития федеративных отношений. Системно-структурный метод обеспечил комплексное рассмотрение конституционных гарантий единства государственной власти в их взаимосвязи с институтами конституционно-правовой ответственности, федерального вмешательства и мониторинга регионального нормотворчества. Нормативную базу исследования образуют Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, конституции и декларации о суверенитете республик в составе Российской Федерации, Федеративный договор 1992 года, а также акты Конституционного Суда Российской Федерации; эмпирическую основу составляет практика конституционного судопроизводства по делам, связанным с оспариванием положений о суверенитете субъектов федерации.

Результаты и их обсуждение

Генезис дезинтеграционных процессов на территории РСФСР в период 1990–1993 гг. был непосредственно обусловлен стремлением автономных республик к обретению фактической государственной самостоятельности, что выразилось в принятии ими односторонних актов о суверенитете. Верховный Совет Татарской АССР 30 августа 1990 года утвердил Декларацию о государственном суверенитете, провозгласившую приоритет республиканской конституции и законодательства над нормативными актами СССР и РСФСР. Указанный акт послужил отправной точкой для дальнейшей эскалации притязаний республиканских властей: 18 октября 1991 года Верховный Совет Татарстана принял Постановление об акте о государственной независимости, впоследствии был проведён референдум о статусе республики и принята собственная конституция, фиксировавшая суверенный характер татарстанской государственности. Чеченский вариант развития событий отличался ещё большей степенью радикализма. Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской АССР, утверждённая Верховным Советом республики 27 ноября 1990 года, не содержала указания на вхождение республики в состав РСФСР и СССР, что де-факто означало отрицание федеративной связи с Россией. Первым декретом Д. Дудаева от 1 ноября 1991 года была провозглашена независимость Чеченской Республики Ичкерия, а 12 марта 1992 года утверждена конституция так называемого «независимого государства», не получившего международного признания ни от одного государства — члена ООН [4, с. 39]. Показательно, что к моменту подписания Федеративного договора в конце марта 1992 года именно Татарстан и Чечня оказались единственными субъектами, отказавшимися присоединиться к данному акту. Совокупность изложенных обстоятельств привела к формированию на территории Российской Федерации конкурирующих нормативных порядков, при которых отдельные республики открыто претендовали на международную правосубъектность в рамках формально сохранявшего целостность федеративного государства.

Восстановление конституционного единства правового пространства России в существенной мере стало возможным благодаря деятельности Конституционного Суда. В Постановлении от 13 марта 1992 года № 3-П Конституционный Суд квалифицировал как

противоречащие Конституции РСФСР 1978 года те положения Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР, которые устанавливали ограничения действия законов РСФСР на территории республики, а равно признал неконституционной формулировку вопроса, вынесенного на республиканский референдум, в части, предполагавшей характеристику Татарстана как субъекта международного права. Деятельность Конституционного Суда не ограничилась рассмотрением татарстанского дела: в рамках последовательной практики были проверены на предмет конституционности нормативные акты иных республик, закреплявшие положения о собственном суверенитете. Конституционный Суд сформулировал принципиальную правовую позицию о невозможности существования «двухуровневого суверенитета» в пределах единого федеративного государства, разъяснив, что конституционная характеристика республик как «государств» в смысле части 2 статьи 5 Конституции Российской Федерации указывает исключительно на особенности их конституционно-правового статуса и не может служить основанием для утверждения о наличии у них государственного суверенитета [5, с. 189]. Вместе с тем необходимо констатировать, что юрисдикционные средства воздействия, находившиеся в распоряжении Конституционного Суда, объективно оказались недостаточными для предотвращения наиболее острых последствий сепаратизма. Нормативная составляющая «парада суверенитетов» была с течением времени в целом устранена из правового поля, однако политическое измерение дезинтеграционных процессов привело к трагическим событиям — вооружённому конфликту на территории Чеченской Республики, унёсшему значительное число человеческих жизней и повлёкшему масштабные разрушения инфраструктуры региона [6, с. 117]. Данное обстоятельство со всей очевидностью свидетельствует о том, что эффективное противодействие угрозам территориальной целостности государства не может быть обеспечено исключительно средствами конституционного правосудия и требует формирования комплексной системы правовых гарантий, включающей превентивные, охранительные и принудительные механизмы федерального реагирования.

Отличительной особенностью правового регулирования федеративных отношений в 1990-е годы стало широкое применение двусторонних договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, заключавшихся между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти её отдельных субъектов. Наиболее значимым из подобных актов явился Договор Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий 1994 года, который изначально рассматривался федеральным центром в качестве средства политико-правового компромисса, призванного удержать республику в конституционном пространстве России. Вместе с тем юридические последствия данного договора оказались далеко не однозначными: Татарстан на протяжении десяти лет осуществлял самостоятельное регулирование широкого круга вопросов экономического, экологического и культурного характера, что фактически ставило республику в привилегированное положение по сравнению с иными субъектами федерации и порождало существенную асимметрию в структуре федеративных отношений [7, с. 282]. На международном уровне подобная практика также имела негативные последствия: ряд иностранных государств воспринимал Татарстан в качестве самостоятельного политического образования, обладающего признаками международной правосубъектности. Срок действия Договора о разграничении полномочий истёк в 2017 году, и, несмотря на многочисленные обращения депутатов Государственного Совета Республики Татарстан и общественных объединений с просьбой о его пролонгации, федеральный центр отказал в продлении данного акта, что ознаменовало окончательный отказ от договорной модели урегулирования статуса республики. Следует подчеркнуть, что процесс исключения положений о суверенитете из конституций республик в составе Российской Федерации растянулся на полтора десятилетия. Окончательную правовую определённость в данный вопрос внёс Конституционный Суд Российской Федерации, правовые позиции которого обязали Татарстан, Башкортостан и Тыву — последние республики, сохранявшие в своих основных законах указания на собственный суверенитет, — привести конституционные тексты в соответствие с федеральной Конституцией. К настоящему времени положения о суверенитете практически полностью устранены из конституций всех республик. Анализ изложенного исторического опыта позволяет заключить, что договорная модель разграничения компетенции, функционирующая в отсутствие институционально оформленных механизмов федерального контроля и конституционно-правовой ответственности, объективно создаёт предпосылки для нарушения принципов государственной целостности и равноправия субъектов федерации.

Качественно новые конституционно-

правовые основания для обеспечения единства государственной власти в условиях федеративного устройства были заложены в ходе конституционной реформы 2020 года, которая привнесла в отечественное конституционное право категорию «единая система публичной власти». Содержание данного понятия раскрывается через указание на функциональное единство федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления, деятельность которых подчинена общим конституционным целям — соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению социально-экономического развития государства [8, с. 1176]. Доктринальное значение реформы состоит в том, что она позволила юридически преодолеть представление о разобщённости уровней публичного управления: принцип субсидиарности получил нормативное подкрепление в контексте разграничения предметов ведения и полномочий, институт федеральных территорий уточнил пространственные границы государственного властвования Федерации, а взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления утратили характер «конфликта компетенций» и приобрели черты функционального взаимодействия в рамках единой властной вертикали. Законодательной конкретизацией конституционных новелл выступил Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (ред. от от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», нормативно закрепивший в качестве базовых начал деятельности органов публичной власти принципы верховенства Конституции Российской Федерации, государственной и территориальной целостности, распространения суверенитета Российской Федерации на всю её территорию и единства системы публичной власти. Тем самым на законодательном уровне была сформирована правовая конструкция, концептуально исключающая саму возможность воспроизводства ситуации конкурирующих суверенитетов, характерной для 1990-х годов.

Если Постановление от 13 марта 1992 года № 3-П явилось первым судебным актом, в котором была поставлена под сомнение правомерность суверенных притязаний республик, то принципиально новый — доктринально завершённый — характер приобрела правовая позиция Конституционного Суда, сформулированная в Постановлении от 7 июня 2000 года № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В данном Постановлении Конституционный Суд констатировал, что суверенитет Российской Федерации как демократического федеративного правового государства, распространяющийся на всю её территорию, закреплён Конституцией в качестве одной из основ конституционного строя и исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, — то есть не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации. Конституционный Суд указал, что суверенитет Российской Федерации связан не с волеизъявлением республик в порядке договора, а с волеизъявлением многонационального российского народа, который конституировал суверенную государственность России как исторически сложившееся государственное единство в её настоящем федеративном устройстве [9, с. 1405]. Конституция Республики Алтай провозглашала суверенитет «естественным, необходимым и законным условием существования» республиканской государственности, а государственные символы объявляла выражением этого суверенитета. Конституционный Суд признал данные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации, её статьям 3 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 5, 66 (части 1 и 5), 71 (пункт «б»). Значение данного Постановления выходит за рамки конкретного дела: именно в нём была впервые сформулирована универсальная правовая позиция о принципиальной невозможности «двухуровневого суверенитета» в Российской Федерации, которая стала отправной точкой для всей последующей практики приведения регионального законодательства в соответствие с федеральной Конституцией.

Логическим продолжением Постановления от 7 июня 2000 года стало Определение Конституционного Суда от 27 июня 2000 года № 92-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан. Оспариваемые положения конституций указанных республик закрепляли суверенитет (государственный суверенитет) республики как субъекта Российской Федерации, принадлежность республике высшей власти

на своей территории. Конституционный Суд признал, что непосредственно вытекающие из принципа суверенитета положения конституций данных республик — о верховенстве и высшей юридической силе конституции республики и её законов, о праве республики приостанавливать действие правовых актов Российской Федерации на своей территории, о договорном характере статуса республики в составе Российской Федерации, о статусе республики как субъекта международного права — по существу являются аналогичными положениям, ранее признанным неконституционными [10, с. 7]. Согласно пункту 6 резолютивной части Определения № 92-О положения нормативных актов всех шести республик, основанные на положениях, признанных утрачивающими силу, либо воспроизводящие их, не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами и подлежат отмене в установленном порядке; оспоренные положения конституций этих республик признаны утратившими силу и не подлежащими применению. Юридическое значение данного Определения состоит в том, что оно распространило правовую позицию, выработанную по «алтайскому делу», на конституции шести республик одновременно, создав тем самым прецедент массового «очищения» конституционного пространства от норм сепаратистского содержания.

Завершающим звеном в цепи судебных актов, призванных окончательно устранить нормативные рудименты «парада суверенитетов», выступило Определение Конституционного Суда от 6 декабря 2001 года № 249-О, принятое по ходатайству Президента Республики Башкортостан об официальном разъяснении ранее вынесенных решений. В данном Определении Конституционный Суд подтвердил, что положения Конституции Республики Башкортостан, признанные не соответствующими Конституции Российской Федерации, утратили силу непосредственно на основании решений Конституционного Суда, без каких-либо отменяющих их специальных решений органов государственной власти субъектов Российской Федерации, и, следовательно, более не являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Конституционный Суд подчеркнул, что Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Было также разъяснено, что другие положения нормативных актов республик в составе Российской Федерации, которые хотя и не были предметом рассмотрения в Конституционном Суде, но содержат предписания о принадлежности суверенитета республике и именно на нём основывают те или иные полномочия и компетенцию органов государственной власти, по существу, независимо от формы изложения, будут такими же, как и положения, ранее признанные не соответствующими Конституции Российской Федерации. Тем самым Конституционный Суд сформулировал правило о распространении правовых последствий своих решений на все аналогичные по содержанию нормы, даже если они формально не были предметом конкретного конституционного разбирательства, — правило, имеющее исключительно важное значение для обеспечения единообразия конституционного пространства федеративного государства.

Констатируя значительный прогресс в нормативном закреплении принципа единства государственной власти, достигнутый в ходе конституционной реформы 2020 года и последующего обновления федерального законодательства, нельзя не обратить внимание на сохраняющиеся пробелы правового регулирования, выявление которых возможно как посредством анализа действующей нормативной базы, так и через обращение к негативному историческому опыту 1990-х годов.

Первая из выявленных проблем сопряжена с отсутствием в российском законодательстве целостного, внутренне непротиворечивого регулирования конституционно-правовой ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации за нарушение принципа верховенства федеральной Конституции. События «парада суверенитетов» со всей наглядностью обнажили тот факт, что ни Конституция РСФСР 1978 года, ни принятая впоследствии Конституция Российской Федерации 1993 года не закрепляли и не закрепляют системы оперативных правовых санкций, применяемых в случае принятия субъектом нормативного правового акта, вступающего в противоречие с федеральным законодательством. Действующий Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (ред. от от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», при всей его значимости для правового оформления единой системы публичной власти, ограничивается указанием на общие основания ответственности и не устанавливает процессуально выверенного порядка принудительного приведения регионального законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации в ситуации, когда субъект систематически уклоняется от исполнения решений Конституционного Суда.

Подобная нормативная неопределённость создаёт условия, при которых отсутствие неотвратимых юридических последствий за конституционные правонарушения существенно снижает превентивный потенциал всей системы конституционно-правовой ответственности. В целях устранения обозначенного пробела представляется обоснованным дополнение Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (ред. от от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» специальной главой, посвящённой конституционно-правовой ответственности органов государственной власти субъектов за систематическое неисполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации и нарушение принципа конституционного верховенства. В рамках данной главы надлежит нормативно закрепить механизм незамедлительного приостановления юридической силы регионального нормативного акта с момента признания его не соответствующим Конституции, установить императивные сроки устранения выявленных противоречий, а также определить конкретный порядок привлечения к ответственности должностных лиц субъекта, допустивших соответствующее нарушение. В частности, целесообразно предусмотреть обязательность вынесения Президентом Российской Федерации официального предупреждения высшему должностному лицу субъекта с последующим отрешением его от должности в случае, если выявленные противоречия не устранены в шестимесячный срок с момента вступления в силу решения Конституционного Суда.

Вторая проблема, требующая законодательного разрешения, касается недостаточной правовой регламентации института федерального вмешательства в дела субъектов Российской Федерации. Чеченский кризис 1994–1996 гг. обнаружил принципиальную уязвимость правовой системы государства в ситуации, когда возникает необходимость принудительного восстановления конституционного правопорядка на территории субъекта: решение о применении Вооружённых Сил было оформлено указами Президента Российской Федерации, юридическая обоснованность которых подвергалась серьёзной критике, в том числе в особых мнениях отдельных судей Конституционного Суда. Постановлением от 31 июля 1995 года № 10-П Конституционный Суд признал основные положения президентских указов соответствующими Конституции, однако данное решение, принятое в условиях конкретного политико-правового конфликта, не восполнило системного законодательного пробела, поскольку институт федерального вмешательства по-прежнему не получил целостного нормативного оформления. Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (ред. от от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепляет лишь отдельные инструменты воздействия на органы власти субъектов — предупреждение и отрешение от должности, — которые покрывают узкий сегмент возможных угроз и не образуют комплексного правового режима, рассчитанного на весь диапазон дезинтеграционных проявлений: от постепенного наращивания нормативных противоречий с федеральным законодательством до открытого вооружённого неповиновения федеральной власти. Для преодоления указанного пробела представляется необходимой разработка и принятие самостоятельного Федерального закона «О федеральном вмешательстве в Российской Федерации». Предметом регулирования данного акта должны стать исчерпывающий перечень оснований федерального вмешательства, порядок его инициирования и осуществления, формы и допустимые пределы применяемых мер, а также разграничение компетенции между Президентом Российской Федерации, Советом Федерации и Правительством Российской Федерации в рамках данного института. Принципиальное значение имеет нормативное закрепление градации мер федерального вмешательства — от направления в субъект федерального представителя с координационными полномочиями и временного осуществления федеральными органами отдельных полномочий субъекта до введения режима прямого федерального управления — при условии обязательного парламентского контроля со стороны Совета Федерации и последующей судебной проверки законности применённых мер Конституционным Судом Российской Федерации.

Третья проблема обусловлена сохраняющейся асимметрией конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации, которая, как свидетельствует опыт 1990-х годов, способна выступать юридическим обоснованием центробежных устремлений региональных элит. Действующая Конституция содержит внутреннее противоречие: часть 1 статьи 5 декларирует равноправие всех субъектов федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти, тогда как часть 2 той же статьи выделяет республики, присваивая им наименование «государства» и закрепляя за ними право принятия собственных конституций — в отличие от краёв, областей, городов федерального значения и автономных образований, основными учредительными актами которых являются уставы. Именно данная конституционная формулировка на протяжении

1990-х годов активно эксплуатировалась республиканскими политическими элитами для юридического обоснования притязаний на государственный суверенитет и международную правосубъектность. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях последовательно разъяснял, что конституционная характеристика республик в качестве «государств» отражает исключительно исторически сложившиеся особенности их конституционно-правового статуса и не может интерпретироваться как признание за ними суверенитета. Тем не менее правоприменительная практика показывает, что отдельные субъекты до настоящего времени воспроизводят в собственном законодательстве формулировки, прямо или опосредованно акцентирующие их особое положение в системе федеративных отношений. Принимая во внимание, что пересмотр конституционных положений не рассматривается в рамках настоящего исследования в качестве допустимого пути решения проблемы, полагаем целесообразным реализовать иной подход — посредством корректировки федерального законодательства. В этих целях предлагается дополнить Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (ред. от от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» нормой, устанавливающей закрытый (исчерпывающий) перечень тех особенностей конституционно-правового статуса республик, которые допустимо закреплять в их конституциях. Одновременно в тексте данного закона надлежит сформулировать прямой запрет на включение в конституции и иные нормативные правовые акты республик любых положений, которые прямо или косвенно указывают на государственный суверенитет республики, устанавливают верховенство республиканского законодательства над федеральным, провозглашают право на самоопределение вплоть до сецессии либо претендуют на международную правосубъектность. Параллельно представляется обоснованным расширить компетенцию Министерства юстиции Российской Федерации, наделив его полномочием по осуществлению обязательной правовой экспертизы конституций и уставов субъектов при каждом внесении в них изменений и дополнений; в случае обнаружения положений, противоречащих федеральному законодательству, Министерство юстиции должно быть наделено правом обращения в судебные органы с требованием о признании таких положений недействующими.

Выводы

Проведённый историко-правовой анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, «парад суверенитетов» 1990-х годов обнажил фундаментальный дефект конструкции российского федерализма: отсутствие конституционно закреплённого механизма федерального принуждения, способного пресечь сепаратистские притязания субъектов до момента перерастания политического конфликта в вооружённое противостояние. Ни Конституция РСФСР 1978 года, ни Федеративный договор 1992 года не содержали институтов превентивного реагирования на односторонние акты о суверенитете, что превратило территориальную целостность государства из конституционного императива в предмет политического торга.

Во-вторых, практика индивидуальных договорных уступок (Татарстан, 1994; Чечня, 1996–1997) доказала порочность подмены универсального конституционного регулирования ситуативными политическими компромиссами. Двусторонние договоры о разграничении предметов ведения de facto конституировали параллельную систему конституционного статуса отдельных субъектов, подрывая принцип формального равноправия, заложенный в части 1 статьи 5 Конституции 1993 года, и порождая «эффект домино» — обоснованные притязания иных республик на аналогичные преференции.

В-третьих, конституционно закреплённая асимметрия статуса субъектов, выраженная в наименовании республик «государствами» (часть 2 статьи 5 Конституции), при сохранении единого суверенитета Российской Федерации представляет собой юридическую фикцию, генерирующую интерпретационные риски. Правовая позиция Конституционного Суда, сформулированная в Постановлении от 7 июня 2000 года №10-П, устранила доктринальную неопределённость «двухуровневого суверенитета», однако не повлекла приведения текста Конституции в терминологическое соответствие с данной позицией, что сохраняет потенциал для рецидива сепаратистской аргументации.

В-четвёртых, конституционная реформа 2020 года, закрепившая единство системы публичной власти (статья 132, часть 3), усилившая вертикаль федеративных отношений и исключившая возможность отчуждения части территории, явилась необходимым, но недостаточным ответом на выявленные системные уязвимости. В российском конституционном праве по-прежнему отсутствуют: кодифицированный институт федерального вмешательства с исчерпывающим перечнем оснований, процедур и пределов применения; полноценный механизм конституционно-правовой ответственности высших должностных лиц субъектов за действия,

направленные на нарушение территориальной целостности; нормативно определённые границы допустимой асимметрии статуса республик, отделяющие конституционно обоснованные особенности от привилегий, несовместимых с федеративным равноправием.

Совокупность изложенного приводит к общему выводу: правовое преодоление последствий «парада суверенитетов» состоялось, однако устранение его причин остаётся незавершённым. До тех пор, пока федеральное законодательство не восполнит указанные пробелы системным регулированием институтов федерального принуждения, конституционно-правовой ответственности субъектов и нормативных пределов асимметрии, российский федерализм будет сохранять структурную уязвимость к дезинтеграционным сценариям, актуализирующимся в периоды ослабления политической вертикали. Опыт 1990-х годов должен рассматриваться законодателем не как преодолённый исторический эпизод, а как эмпирическое основание для завершения конституционно-правовой реформы федеративных отношений.

Список литературы:

[1] Новиков, С. В. «Парад суверенитетов», или Российский проект ликвидации СССР / С. В. Новиков // 30 лет современной России : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 15 апреля 2021 года. – Омск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2022. – С. 21-25.

[2] Сулейманов, А. Р. Национальная политика и национальная безопасность в условиях российского федерализма: возможен ли второй «Парад суверенитетов»? / А. Р. Сулейманов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2014. – № 3(26). – С. 115-123.

[3] Батурин, Ю. М. ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ В СССР (Декларации независимости 1988–1990 гг.) / Ю. М. Батурин. – Москва : Российская академия наук, 2021. – 54 с.

[4] Медведев, Н. П. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ 90-х. ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ / Н. П. Медведев // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2018. – № 3-4(13-14). – С. 37-42

[5] Лукашевич, Д. А. Юридический механизм разрушения СССР / Д. А. Лукашевич. – Москва : Издательство Алгоритм, 2016. – 448 с.

[6] Тарасова, Е. А. Полиэтнические республики России в начале 1990-х гг.: третий этап «парада суверенитетов») / Е. А. Тарасова, П. А. Шашонков // Russian Colonial Studies. – 2020. – Т. 5, № 1. – С. 112-141.

[7] Мирзаев, Д. Ш. «Парад суверенитетов» и распад СССР / Д. Ш. Мирзаев // Научный аспект. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 280-285.

[8] Мурадян, Л. О. Итоги «парада суверенитетов» и ратификация Верховным Советом России Беловежских соглашений / Л. О. Мурадян // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2024. – Т. 14, № 4(109). – С. 1172-1178.

[9] Малюшин, М. А. Феномен Уральской республики как один из ключевых моментов «парада суверенитетов» в 90-е годы двадцатого столетия: предпосылки, развитие и последствия / М. А. Малюшин // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2019. – Т. 9, № 9(54). – С. 1398-1407.

[10] Данилов, А. Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации / А. Н. Данилов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2017. – № 4. – С. 4-12.

References:

[1] Novikov, S.V. “Parade of sovereignties,” or the Russian project for the liquidation of the USSR/S.V. Novikov//30 years of modern Russia: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, April 15, 2021. - Omsk: Private educational institution of higher education “Siberian Law University,” 2022. - S. 21-25.

[2] Suleimanov, A. R. National policy and national security in the context of Russian federalism: is a second “Parade of sovereignties” possible ?/A. R. Suleimanov//Issues of national and federal relations. – 2014. – № 3(26). - S. 115-123.

[3] Baturin, Yu. M. PARADE OF SOVEREIGNTY IN THE USSR (Declaration of Independence 1988-1990)/Yu. M. Baturin. - Moscow: Russian Academy of Sciences, 2021. - 54 s.

[4] Medvedev, N.P. POLITICAL HISTORY of the 90s. PARADE OF SOVEREIGNTY/N.P. Medvedev//Regional and Municipal Administration: Issues of Politics, Economics and Law. – 2018. – № 3-4(13-14). - S. 37-42

[5] Lukashevich, D. A. Legal mechanism of destruction of the USSR/D. A. Lukashevich. - Moscow: Algorithm Publishing House, 2016. - 448 s.

[6] Tarasova, E. A. Multi-ethnic republics of Russia in the early 1990s: the third stage of the “parade of sovereignty”)/E. A. Tarasova, P. A. Shashonkov//Russian Colonial Studies. – 2020. - T. 5, NO. 1. - S. 112-141.

[7] Mirzaev, D. Sh. “Parade of sovereignties” and the collapse of the USSR/D. Sh. Mirzaev// Scientific aspect. – 2021. - T. 3, NO. 2. - S. 280-285.

[8] Muradyan, L. O. Results of the “parade of sovereignty” and ratification by the Supreme Council of Russia of the Belovezhsky agreements/L. O.

Muradyan//Issues of national and federal relations. – 2024. - T. 14, NO. 4 (109). - S. 1172-1178.

[9] Malyushin, M. A. The phenomenon of the Ural Republic as one of the key moments of the “parade of sovereignty” in the 90s of the twentieth century: prerequisites, development and consequences/M. A. Malyushin//Issues of national and federal relations. – 2019. - T. 9, NO. 9 (54). - S. 1398-1407.

[10] Danilov, A. N. New geopolitical realities of the future civilization/A. N. Danilov//Journal of the Belarusian State University. Sociology. – 2017. – № 4. - S. 4-12.

